

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Разбор и опровержение невежественного и безбожного суесловия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова / Пер. И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1906. Т. 3. № 12. С. 193 (2-я пагин.). (Продолжение.)

подеви Богу твоему. И послѣ этого еще: И напишеша на каменїяхъ сихъ весь законъ явѣ зѣло (Второз. 27, 5, 7, 8). Никто изъ здравомыслящихъ не станетъ, я думаю, отрицать, что эти слова сходны съ повелѣніемъ: *сдѣлай скинїю* и все, что для нея потребно. Въ другомъ мѣстѣ относительно религій языческихъ дано еще такое законоположеніе: *внемли себѣ, да не когда завѣщаеша завѣтъ съдѣющимъ на земли, въ нѣже выидеши, да не будетъ соблазнъ въ васъ. Капища ихъ разорите, и кумиры ихъ сокрушите, и дубравы ихъ постыцете, и изваянїя боговъ ихъ сожжете огнемъ. Не бо поклонитесь богамъ имымъ* (Исх. 34, 12—13). Но при существованіи такихъ прешеній Іисусъ сынъ Навина по переходѣ чрезъ Іорданъ получилъ отъ Бога повелѣніе, чтобы по числу колѣнъ Израилевыхъ были набраны (со дна Іордана) отъ cadaго колѣна камни, не малые какіе нибудь и ничтожныя, а примѣчательныя и достопамятныя въ будущемъ, дабы, говорить, они были у васъ лежащимъ всегда знаменіемъ и возвѣщали послѣдующимъ поколѣніямъ величіе совершенныхъ для нихъ древле чудесъ и хранили память о нихъ навѣкъ (Ис. Нав. гл. 4). И самъ Моисей получаетъ повелѣніе высѣчь каменные скрижали,—имѣвшія принять Законъ Божій (Исх. 34, 1). Нужно-ли говорить, сколь они были честны и какою славою обладали. Когда при этомъ говорится (Исх. 34, 5), что сошелъ Господь, то это было именно сошествіе Бога. Отъ сего просіяло лицо Моисея такъ, что стало недоступно для видѣвшихъ его. На этихъ именно скрижаляхъ должно было быть напечатлѣно то, что было написано на прежнихъ (разбитыхъ). Послѣднія были начертаны на горѣ и на нихъ было написано божественнымъ перстомъ десятословіе. Законодатель, считая незаконный и жестоковыйный народъ недостойнымъ принять

ихъ, бросилъ и разбилъ ихъ. Кромѣ того Моисею повелѣно было устроить жертвенникъ изъ земли или неотесанныхъ камней, на которомъ законъ повелѣвалъ приносить всесоженія. А что восклицаетъ громкогласно въ Духѣ великій Исаія? *Въ той день будетъ жертвенникъ Господеви въ земли Египетстѣй, и столпы въ предѣлахъ его Господеви* (Ис. 19, 19).

Здѣсь намъ необходимо обсудить, какое значеніе могутъ имѣть для насъ эти слова. Мы утверждаемъ, что такъ какъ изъ древнихъ безбожниковъ Египтяне были наиболѣе безбожными, служили сквернымъ бѣсамъ, не знали истиннаго Бога, воздвигали образы людей и разныя изображенія неразумныхъ животныхъ и несмысленно поклонялись имъ, какъ богамъ, то божественный пророкъ, провидя чистыми и мысленными очами, что случится съ ними въ явленіе Спасителя всѣхъ насъ Христа, говорить, что когда процвѣтетъ божественная евангельская проповѣдь, Египтянъ озаритъ свѣтъ богознанія. И всѣ тѣ гнусности очистятся и упразднятся и вмѣсто нихъ будутъ воздвигнуты и возставлены божественные жертвенники и священные храмы, въ коихъ для украшенія и увѣнчанія ихъ будутъ поставлены изображенія животворящаго креста и боговидныя начертанія пречистаго тѣла Христова. Предсказаніе это уже получило для нихъ благополучное выполненіе: какъ вмѣсто древа древо, вмѣсто храма храмъ, вмѣсто жертвъ жертвы а вмѣсто всего нечистаго и сквернаго явились наши святыни, такъ вмѣсто тѣхъ суетныхъ и гнусныхъ столповъ, выражаясь ближе и примѣнительно къ словамъ пророка теперь изобилуютъ, умножаясь и вызывая почтеніе, во всемъ Египтѣ, какъ и во всей вселенной, всечестные столпы Спасителя, т.-е. изображенія, покланяемая вмѣстѣ съ прочими святынями.

Такъ именно и святые мужи, изъяснявшіе богоноснаго пророка, понимали приведенныя слова ¹⁾. Отсюда рѣчь наша обращается ко временамъ болѣе древнимъ. Посмотримъ, что случилось съ патріархомъ Іаковомъ, когда онъ отправился въ Харранъ. При заходѣ солнца онъ отошелъ ко сну, взялъ камень мѣста того, положилъ его подъ голову и увидѣлъ сонъ. Вставъ отъ сна, онъ сказалъ: истинно Господь присутствуетъ на мѣстѣ семъ, а я не зналъ. Онъ назвалъ его страшнымъ, домомъ Божиимъ и подумалъ, что это врата небесныя. И вотъ поставивъ каменный столпъ, онъ возлилъ елей на верхъ его. И развѣ Богъ отвергаетъ это, какъ представляется беззаконникамъ? Нисколько, но благостно допускаетъ, какъ это видно изъ того, что случилось съ Іаковомъ послѣ: Я вижу, говоритъ, что дѣлаетъ съ тобою Лаванъ. Я Богъ, явившійся тебѣ въ мѣстѣ Божіемъ, гдѣ ты возлилъ елей на памятникъ, и гдѣ ты далъ мнѣ обѣтъ (Быт. 31, 12—13). А что говоритъ по этому поводу великій изъ богослововъ Григорій? „Іаковъ видѣлъ во снѣ лѣствицу и восхожденіе ангеловъ и таинственно помазалъ елеемъ столпъ, можетъ быть для того, чтобы показать Камень, помазанный ради насъ, и далъ мѣсту названіе *видѣнія Божія* въ честь явившагося и прочее, что богословъ говоритъ здѣсь. Кому не станетъ ясно,—какъ научаетъ различіе въ назначеніи одного и тогоже матеріала, напр. камней,—что одно и тоже, возносимое Богу, приличествуетъ Ему и заслуживаетъ почтенія, а посвящаемое бѣсамъ, отвратительно и гнушно. Мы предоставляемъ желающимъ изслѣдовать тщательно, сколько и какихъ изображеній безтѣлесныхъ силъ, находившихся въ знаменитомъ

¹⁾ Подробно Кириллъ Александрійскій въ толкованіи на пр. Исаяю.

храмъ, создали мудрость и могущество Соломона, потому что мы подробнѣе говорили объ этомъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾). Богопреданное писаніе открываетъ также, что было показано и явлено божественному Іезекиілю (Езек. 41, 18). Кругомъ по стѣнамъ показаннаго пророку расписаннаго храма и на дверяхъ были рѣзныя изображенія херувимовъ и пальмы, и все это было начертано и изображено согласно неложнымъ видѣніямъ пророка. При этомъ пророкъ видитъ и Святое Святыхъ и зданіе, исполненное славы Господней, почему и палъ тогда ницъ. Онъ слышалъ гнѣвное требованіе къ упорному дому Израилеву, чтобы онъ прекратилъ немедленно свои беззаконія и все то, что нарушая завѣтъ Господа, оскверняло святыни,—подобно тому, какъ это мы видимъ и теперь у еще горше беззаконствующихъ и безбожнымъ обращеніемъ оскверняющихъ святыни, святѣйшія прежнихъ. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ заключеніе, что съ одной стороны не все изъ того, что написано относительно такихъ законоположеній, должно быть отвергаемо, а съ другой стороны не все приемо, потому что не все отвратительно и мерзко, но и не все свято и досточтимо. Что отвратительно и что свято и почему, этому научаетъ изреченное свыше Гедеону, избранному быть судьей надъ Израилемъ (Суд. 6, 25). Ему было повелѣно уничтожить отцовскій жертвенникъ Ваалу вмѣстѣ съ рощею при немъ, поставить другой Богу и принести жертвы изъ тельцовъ на дровахъ срубленной рощи. Сообразно этому и мы, пріавшіе законоположеніе болѣе святое и досточтимое, если встрѣтится религіозный обычай, противный на-

¹⁾ Слово въ защиту непорочной, чистой и истинной нашей христіанской вѣры и противъ думающихъ, что мы покланяемся идоламъ, гл. 69 въ 1-мъ т. твореній Никифора.

шему ученію, подобный тѣмъ сквернымъ и гнуснымъ обыкновеніямъ, которыя можно встрѣтить у Іудеевъ и варваровъ, необходимо должны со всѣмъ рвеніемъ уничтожить его, какъ враждебный намъ. А то, что сообразно со славою Божіею и что представляетъ намъ спасительное домостроительство, какъ дѣло превосходнѣйшее въ нашихъ глазахъ, мы считаемъ достойнымъ почтенія и поклоненія, расходясь въ этомъ съ беззаконниками, которые попираютъ и поносятъ святыни. Все смѣшавъ и спутавъ, они не хотятъ отличать чистое отъ нечистаго, святое отъ сквернаго, ибо въ *злхудожную душу не вкидетъ премудрость Божія* (Прем. 1, 4). Въ концѣ концовъ имъ необходимо или въ виду запрещенія: *не сотвори всякаго подобія* отвергать все Богу угодное и приличествующее, или же въ виду требованія *сотвори* принимать и чтить все, требуемое закономъ, и даже предметы поклоненія безбожниковъ и невѣрныхъ, безъ всякаго здраваго размышленія и обсужденія. Или же, наконецъ, они должны,—что соотвѣтствуетъ имъ и желательно,—отвергнуть въ слѣдъ за своими учителями древній и новый законъ во всемъ объемѣ.

41.—„Пусть это будетъ такъ, говорятъ они, но гдѣ узаконено дѣлать подобіе Бога“. На этотъ нелѣпый и странный вопросъ мы отвѣтимъ слѣдующее. Во первыхъ, предлагая такой вопросъ, вы, по видимому, выдвигаете его въ качествѣ прикрытія вашего невѣрія и нечестія. Вѣдь вы такъ разсуждаете не ради того, чтобы говорить что-либо достойное Бога, а для того, чтобы оклеветать божественное домостроительство Спасителя, ибо въ данномъ случаѣ вамъ нѣтъ никакого дѣла до воплощенія. Затѣмъ, необычайность и полнота вашего безумія доказываются слѣдующимъ: вы напрасно браните христіанъ и презрительно взводите

на нихъ обвиненіе въ томъ, чего ни они не думали, ни вы никогда не слыхали—будто они утверждаютъ, что изображаютъ Самого Бога безъ плоти. Но развѣ кто изъ одаренныхъ разумнымъ естествомъ не согласится съ тѣмъ что дѣлать подобіе Бога, какъ Бога, совершенно невозможно и тщетно? Божество ни видимо, ни постижимо. *Бога никтоже видѣ нигдѣже* (Іоан. 1, 18). Даже самъ Моисей, служитель божественнаго закона, хотя онъ былъ объятъ желаніемъ Богоявленія, видѣлъ только славу Божію, которая была явлена ему, когда Богъ уже прошелъ, притомъ скрывшись за скалою,—и едва созерцалъ „*задняя Бога*“, быть можетъ таинственно поучаемый чрезъ это образамъ будущаго богоявленія во плоти. Ибо что говорить Богъ? *Не бо узритъ человекъ лице Мое, и живъ будетъ* (Исх. 33, 20). И не укорялъ-ли Богъ, какъ мы читаемъ, древнихъ, усвоившихъ ни къ кому не приложимое имя Бога Вседержителя чтимымъ ими статуямъ и воздававшихъ имъ почтеніе, подобающее одному Богу, гласомъ великаго Исаіи: *кому уподобисте Господа, и коему подобію уподобисте его: еда образъ сотвори древодѣлатель или златарь сліявъ злато позлати его?* (Иса. 40: 18). И пророкъ заслуженно, конечно, угрожаетъ дерзающимъ допускать такое нечестіе, ибо непозволительно думать, чтобы среди тварей было что-либо, чему Онъ могъ бы быть уподобленъ или по естеству, или по славѣ, или по силѣ, или еще въ чемъ-либо. *Славы Моя иному не дамъ ниже добродѣтелей моихъ истуканнымъ* (Иса. 42, 8). Въ самомъ дѣлѣ, кому можно уподобить Того, Кто совершенно незримъ, превыше всякой мысли и постиженія? Съ какими изображеніями рукотворными, изготовляемыми человѣческимъ измышленіемъ и искусствомъ, можно сравнить Его?

Итакъ, только безумцы могутъ предполагать, что христіане, зная это, съ твердыми понятіями о Богѣ, при здоровомъ пониманіи тайнаго и неизреченнаго естества, начертываютъ изображеніе божескаго естества. У васъ, поборниковъ невѣрія и новаго Іудейства, всегда на устахъ слова *Богъ никтоже видѣнъ нигдѣже*. Но вы не терпите слышать или вѣрить говорящимъ: *видѣхомъ Господа, съ Нимъ ядохомъ и пихомъ* (Іон. 20, 25; Дѣя. 10, 41) и прочее, что возвѣщаетъ намъ величайшее снисхожденіе, и отвергаете, какъ чуждый и ненавистный для васъ голосъ. Но если позволительно и намъ спрашивать, дайте отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: гдѣ для васъ и когда установлено,—опредѣленіями ли закона, евангельской ли проповѣдью или апостольскимъ ученіемъ—исповѣдывать Христа неописуемымъ, поскольку Онъ явилъ Себя намъ человѣкамъ, и не дѣлать и не поклоняться иконѣ Его, какъ вы теперь учите? На это вы не можете сказать ничего, ибо нигдѣ на это не, найдете доказательствъ и такимъ образомъ это стѣсняющее васъ, отсутствіе (доказательствъ) приумножаетъ нашу побѣду. Даже если вамъ неизвѣстно изначальное и древнее преданіе соборной и апостольской церкви, которое есть самое сильное и достовѣрное доказательство, а также изреченія апостольскія и отеческія, повелѣвающія держать преданія писанья или неписанья, какъ имѣющія одинаковую силу, то всеже изъ подлежащаго спору должно возобладать то, что болѣе благочестиво и что особенно являетъ родство съ вѣрою и любовью ко Христу, которую внушаютъ божественная ревность и пламенное влеченіе. И если то и другое служить къ утвержденію и доказательству Церкви Христовой, то тѣмъ большую предоставляется намъ получить побѣду. Итакъ, если постигнуть Бога

совершенно невозможно и немыслимо, то изображать Его еще невозможнѣе и еще болѣе внѣ средствъ искусства, ибо у тварей нѣтъ естества, которое могло бы уподобляться естеству Божію, за совершеннымъ отсутствіемъ образа и формы. На что взирая живописецъ могъ бы изготовить изображеніе? Но теперь мы познали Бога совершенно и истинно воплотившимся, и для тѣхъ, кои желаютъ проявить свою вѣру, предлежитъ образъ для уподобленія, который воспринялъ Пріившій зракъ раба. Вѣдь если невидимое и безобразное, какъ непостижимое, не можетъ быть уподобляемо чему-либо и неизобразимо, то необходимо, чтобы имѣющее образъ и видимое, какъ подлежащее воспріятію, считалось изобразимымъ и уподобляемымъ, для изображенія чего мы не имѣемъ нужды ждать заповѣди, ибо не въ обычаѣ вѣрующихъ дѣлать все только по приказанію, но нѣчто они могутъ дѣлать и по собственному изволенію, что особенно приличествуетъ наиболѣе усерднымъ и ревностнымъ боголюбцамъ и вѣрующимъ. Иначе какъ можетъ проявляться вѣра ихъ?

42.—Если же кто потребуеть и узаконенія, то для удостовѣренія въ этомъ будетъ тверже указать на самое исполненіе дѣломъ, чѣмъ на повелѣніе словомъ. Для людей, съ благоговѣніемъ относящихся ко всему божественному, не невѣроятнымъ покажется слѣдующій рассказъ. Повѣствуется, что Авгарь, царь Эдесскій, пораженный чудесами, которыя совершалъ Христосъ, и побуждаемый сильнымъ желаніемъ видѣть Его хотя бы въ изображеніи, послалъ нѣкоего живописца, дабы онъ начерталъ божественный образъ и возможно скорѣе доставилъ ему. Такъ какъ живописецъ не достигъ цѣли вслѣдствіе необычайной красоты и блеска лица, то Христосъ Самъ, приложивъ

платъ къ Своему лицу, отпечатлѣваетъ на немъ Свой образъ и посылаетъ царю такъ сильно желаемое имъ изображеніе.

43.—Разсказывается кромѣ того, что когда Спаситель всѣхъ насъ Христосъ родился въ Вифлѣемѣ, то тогдашній владыка Персидскаго народа послалъ нѣкоего славнаго живописца съ тѣмъ, чтобы онъ, начертавъ образъ Рожденнаго и Родившей, доставилъ ему. Пусть знаетъ это невѣрующее сердце! Въ противномъ случаѣ оно не признаетъ и повѣствованія о Персахъ, отправившихся въ такой путь, принесшихъ дары, какъ подобало, Рожденному Царю, руководимыхъ звѣздою; и, что особенно примѣчательно въ этомъ случаѣ и что создавало явную опасность,—Родившагося открыто объявили царемъ именно чужеземцы. Вѣдь если не все записано въ евангельской исторіи, то это не значитъ, что все (незаписанное) недостоверно. Нельзя отрицать и другихъ знаменій, сотворенныхъ Иисусомъ, ибо ихъ было такъ много, что еслибы они были описаны подробно, то весь міръ не могъ бы вмѣстить этихъ книгъ (Іоан. 21, 25). Относительно невидимаго, преестественнаго и непостижимаго естества, которое не можетъ подлежать уподобленію, говорится, что *ни гласа его нигдѣже слышасте, ни видѣнія его видѣсте* (Іоан. 5, 37), и *Бога никтоже видѣлъ есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. 6, 16), потомучто таково свойство божескаго естества, что его нельзя ни видѣть, ни слышать: оно совершенно чуждо образа и звуковъ; *Богъ не взалчетъ, ниже утрудится, ниже есть изобрѣтеніе премудрости его* (Ис. 40, 28). О явленіи же Слова во плоти говорится: *аще не быхъ пришелъ и глаголахъ имъ, грѣха не быша имѣли, и: и видѣша и возненавидѣша Мене и Отца Моего* (Іоан. 15, 22, 24). А что говорятъ божественные

ученики? *Еже бѣ исперва, еже видѣхомъ и руки наша осязаша, о словеси животнѣмъ* (1 Іоан. 1, 1). И *видѣхомъ Господа, съ ними ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. 10, 4), что имѣло мѣсто послѣ воскресенія изъ мертвыхъ. По закону тѣмъ Онъ утруждался, алкалъ и жаждалъ. И: *посла Богъ Сына Своего рождаемаго отъ жены* (Гал. 4, 4). И *Богъ явися во плоти*, (1 Тим. 3, 26) пострадалъ въ ней и возсталъ, обновивъ обветшавшее подъ тяжестію грѣха естество.

44.—Такъ и мы Самого Уподобившагося намъ во всемъ кромѣ грѣха, соотвѣтственно явленному животворящему и пресвятому виду Его, изображаемъ и съ вѣрою и богоприлично покланяемся Ему, какъ громко вѣщаетъ древній въ церкви сохраняющійся святой обычай. Почему же эти подобія не должны быть покланяемы и почитаемы?—Ради времени, говорятъ, потому что не издревле поклоненіе имъ было принято. Но если иконамъ не должно, по ихъ мнѣнію, поклоняться ради времени, то по нашему ихъ слѣдуетъ почитать какъ разъ именно по этой причинѣ, ибо Манихеи и Аріане,—родоначальники теперешнихъ новшествъ,—въ древности, видя это поклоненіе и стараясь упразднить его, порицали покланявшихся вѣрующихъ и скрѣпили своею подписью рѣшеніе уничтожить это. Объ этомъ свидѣлствуютъ книги, которыя имѣютъ у себя ихъ руководители. Если же они не внимаютъ ни своимъ учителямъ, ни нашимъ и не принимаютъ того, что видятъ собственными глазами, то ясно, съ кѣмъ нужно сопричислить ихъ. Но даже замыкая уста свои въ виду всего сказаннаго, нечестивцы не оставляютъ своего безстыднаго ученія, а напротивъ приводятъ еще нѣчто другое, болѣе неразумное и бессмысленное.

45.—Когда кто-либо изъ православныхъ, бесѣдуя

съ ними, скажетъ, что подобаетъ чтить священные символы, такъ какъ все пребывающее въ священныхъ храмахъ свято, а равно-что находящiеся на престолѣ и въ другихъ мѣстахъ храма изображенiя на одеждахъ и другихъ тканяхъ, какъ святыя и спокланяемыя съ тѣми символами, изготовлялись христiанами издревле, то что обыкновенно говорятъ не желающiе различать между святымъ и сквернымъ? „На этихъ изображенiяхъ мы видимъ звѣрей, скотъ, птицъ и другихъ животныхъ; мы покланяемся святынямъ, какъ святынямъ, но не этому всему ради святынъ. Такимъ образомъ когда мы взираемъ на изображенiе, ты чтишь святыню, но не изображенiе; посему безъ нея (святыни) изображенiе не должно быть почитаемо.“ На это можно сказать, что во всемъ этомъ дѣло идетъ не объ одномъ и томъ же. Изображенiя животныхъ находятся въ алтарѣ не для прославленiя и поклоненiя, а для украшенiя тканей, на которыхъ они вышиты. Случается, что эти ткани приносятся любовiю и усердiемъ вѣрующихъ, какъ священные дары. И если кто поклоняется святынѣ, то дѣлаетъ это имѣя въ виду не скотъ или звѣрей, ибо знаетъ, что изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ. Относя честь къ святынѣ, онъ этимъ изображенiямъ не удѣляетъ ничего, кромѣ разсматриванiя. А съ священными изображенiями дѣло не такъ. Почему же? Такъ какъ они святы сами по себѣ и приводятъ на память святыя первообразы, то они покланяемы вмѣстѣ со святынями и не только съ ними, но могутъ быть чтимы и внѣ святыхъ храмовъ. Оказываешь же ты почтенiе въ храмахъ изображенiямъ осла, пса и свиньи, а между тѣмъ ты радуешься, когда сожигаешь святой храмъ вмѣстѣ съ иконой Христа. И ты не трепещешь, дерзая на это и пока-

зывая этимъ, что напрасно усвояешь себѣ имя христіанина? А что могутъ сказать эти люди съ поврежденнымъ умомъ и обдѣленные умственными дарованіями относительно изображеній полагаемыхъ на священныхъ оградахъ и такъ называемыхъ солеяхъ, на столбахъ и вратахъ и предъ святымъ алтаремъ? Ради ли только украшенія и пышности христіане устроили это, или же видѣла въ этомъ необходимую принадлежность храмовъ? Зная, что эти мѣста суть мѣста поклоненія, не ради-ли поклоненія они устроили тамъ изображенія?

46.—Совершенно справедливо нѣкогда пророческое слово выставляло на позоръ ихъ безуміе и тупость: далъ имъ Богъ очи не видѣть и уши не слышать, дабы видя не видѣли и слыша не разумѣли (Иса. 6, 9). И огрубѣла мысль ихъ, омрачились и осуетились въ умствованіяхъ своихъ (Рим. 1, 21). Они изслѣдуютъ вопросы, по которымъ у христіанъ никогда не было ни изысканій, ни сомнѣній. Не смотря на то, что истина очевидна и извѣстна всей вселенной, эти безумцы противятся собственнымъ глазамъ и очевидности и требуютъ доказательствъ того, что видятъ сами и что происходитъ предъ глазами. Они дѣлаютъ нѣчто подобное тому, какъ еслибы кто, видя восходъ солнца на востокъ и всюду разсѣянные лучи, сталъ бы недоумѣвать, наступаетъ-ли день; или еслибы кто, плавая по морю или переправляясь черезъ рѣку, потребовалъ бы у плывущихъ доказательства и сталъ сомнѣваться, есть-ли вода въ морѣ и рѣкѣ. То, въ чемъ не могутъ сомнѣваться не видящіе этого свѣта и чего не испытывали даже страдающіе головокруженіемъ отъ опьяненія и шатающіеся, часто думая что вещи, стоящія на мѣстахъ и никогда не двигающіяся, ходятъ кругомъ, эти опьяненные

виномъ невѣрія, съ омраченною душою, увлекаемые земными страстями, плѣненные мірскими обманчивыми ученіями и плотскими удовольствіями, испытали въ наиболѣе худшей и ужасной степени.

47.—Если для изслѣдованія вопроса прибавить еще немного къ сказанному, то можно будетъ судить, правильно-ли они усвояютъ себѣ имя христіанъ. Мы все знаемъ, что какъ икона Христа вмѣстѣ съ видомъ Христа переносно получаетъ и самое названіе Его, такъ и христіанинъ получаетъ имя отъ первообразнаго имени Христа, а равно и образъ поведенія, которое отличаетъ его и которое, насколько возможно, проявляется въ подраженіи (Христу) и жизни. Итакъ, исходя изъ одного начала и какъ бы корня—Христа, они сохраняютъ связь и отношеніе другъ къ другу. И хотя по существу и по способу бытія въ нихъ мы видимъ различіе, однако они причастны къ одному и тому же имени; омонимически имя Христа прилагается къ нимъ обоимъ. Если такое общеніе и связь съ иконою, которая въ отношеніи названія имѣетъ одинаковый съ ихъ именемъ источникъ происхожденія, удерживается ими, и они воздаютъ честь своему омониму, то имя христіанъ должно принадлежать и имъ. Если же они поступаютъ вопреки этому и всячески безчестятъ и безславятъ имя Христа и свое, находящіяся во взаимномъ отношеніи, то какъ могутъ они присвоить себѣ имя Христіанъ?

48.—А что они вслѣдствіе этого отмечаютъ и первообразъ, объ этомъ даетъ понять послѣдовательность разсужденія и существо дѣла. Въдѣ отрицаніе и уничтоженіе одного однороднаго и подобоименнаго раторгаетъ и ихъ единеніе между собою и общеніе въ имени. Они испытываютъ нѣчто подобное тому, какъ еслибы шелъ вопросъ о двухъ мальчикахъ, происхо-

дять-ли они отъ одного тогоже отца, при чемъ одинъ изъ нихъ, сохранившій неизмѣнными черты отца и носящій неизгладимое сходство съ родившимъ, по справедливости былъ бы признанъ законнымъ сыномъ, а другой, не имѣющій ничего этого, вѣроятно, былъ бы признанъ незаконнымъ и чужимъ. По справедливости незаконными должны быть признаны и эти христіане, отгнанные отъ наслѣдія Христа и Его стада. Напрасно они присвояютъ себѣ ни въ какомъ случаѣ не приличествующее имъ имя въ то время, какъ слово *неописуемый* даетъ имъ благовидный предлогъ для упраздненія съ ихъ точки зрѣнія домостроительства Христова, а на самомъ дѣлѣ для пагубленія ихъ душъ.

49.—Что же скажутъ они о другихъ священныхъ изображеніяхъ—Пресвятой Дѣвы Богоматери и другихъ святыхъ, отъ вѣка благоугодившихъ Богу? Неужели и здѣсь выступить неописуемость? Или будутъ утверждать, что святые состоятъ изъ естества божескаго и человѣческаго? Здѣсь уже нельзя говорить, что божество описывается вмѣстѣ съ человѣческимъ естествомъ, или что плоть отдѣляется и единая ипостась раздѣляется, а также что вслѣдствіе изображенія или описанія соединеніе распадается. Эти безумные говоруны должны обратиться къ составленію другихъ изобрѣтеній и чудовищныхъ издѣвательствъ, ибо для нихъ нѣтъ ничего болѣе пріятнаго и сподручнаго, какъ пускаться въ неумѣстныя и незаконныя разсужденія и увлекаться всѣмъ, что невѣроятно и негодно Богу.

50.—Каково же мнѣніе ихъ по этому вопросу? Такъ какъ они не въ состояніи придумать что-либо полезное или изобрѣсти доводъ подходящий къ ихъ нечестію и злоумышленію, то они просто ссылаются на свое рѣшеніе совершенно въ духѣ ихъ неразумія и

говорить: „такъ какъ отвергнуто и упразднено почитаніе иконы Христа, то естественно должно прекратиться и почитаніе иконъ святыхъ; впредь оно не должно быть даже удостоиваемо упоминанія“. Благовременно можно теперь сказать: „если домовладыку называли Веельзевуломъ, не тѣмъ ли болѣе домашнихъ его?“ (Матѣ. 10, 25). Такъ говорятъ нынѣшніе Іудеи, помѣнявшись языками съ Іудеями древними. Если такъ они относятся ко Христу, то какой мерзости они не въ состояніи сдѣлать противъ святыхъ Его? По истинѣ это вполне въ духѣ ихъ беззаконія, ихъ дерзости и безстыдства въ отношеніи къ святымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако это же обстоятельство является лучшимъ доказательствомъ неизреченной любви святыхъ ко Христу, узами которой они связаны съ Нимъ, никогда не отдѣляясь отъ Него,—ибо и здѣсь, въ этой жизни, они были свидѣтелями страданій Христа и общниками животворящей смерти Его, до крови противостоявшими грѣху, и теперь, по отшествіи изъ этой жизни, они оказались причастниками недавно поднятаго на Христа гоненія и преслѣдованія. Какъ тогда тѣлами своими они состязались и мужественно боролись ради Пострадавашаго за насъ тѣломъ, подражая смерти, которую Онъ претерпѣлъ ради общаго нашего спасенія, такъ и теперь претерпѣваютъ тоже по той же причинѣ. Иконы подобно первообразамъ и вмѣстѣ съ ними переносятъ такое же безчестіе и поруганіе, снова страдаютъ съ ними, дабы опять быть прославляемыми съ ними и снова принимать честь вслѣдствіе общности безчестія. Чтобы намъ, почитателямъ мучениковъ, усладиться воспоминаніями о нихъ, нѣсколько замедлимъ слово, подобно тому какъ любители посмотрѣть и послушать нелегко уходятъ съ увлекательныхъ для нихъ

зрѣлищъ и представленій, хотя иногда чрезъ это они упускаютъ свои дѣла, ибо удовольствія зрѣнія и слуха обычно увлекаютъ чувства любителей и удаленіе отъ нихъ дѣлаютъ весьма труднымъ.

51.—Святые, какъ подражатели Христа, уязвленные въ душѣ любовью ко Христу, готовые идти въ слѣдъ Его, насколько то возможно людямъ, окрыляемые вѣрою, съ твердымъ упованіемъ, восхищая будущее, какъ настоящее, отвергли все земное, какъ скоропреходящее и тлѣнное, презрѣли сокровища и самыя тѣла. Возлюбивъ небесное жительство, они искали небснаго и высшаго. По любви къ Творцу они считали все соромъ, какъ говоритъ глава мучениковъ (Филип. 3, 8). Такъ подъявъ крестъ и взявъ всеоружіе духа, защищенные броней вѣры, принявъ щитъ упованія, надѣвъ шлемъ спасенія, пріявъ свыше силу, поревновавъ страстямъ Христовымъ, храбро сражаясь, они показали себя непобѣдимыми воинами великаго Царя и мужественнѣйшими борцами. Такимъ образомъ они воздвигли памятникъ побѣдъ надъ заблужденіемъ, совершенно сокрушили сооруженія врага, разсѣяли всѣ его силы, истребили огнемъ всѣ его стрѣлы, мужественно низложили всю державу его, пренебрегли всѣ ухищренія и угрозы служителей лукаваго, презрѣли всю ихъ жестокость и ругательство, благородно и мужественно противопоставъ всѣмъ его кознямъ. Поистинѣ съ твердымъ и непреклоннымъ влеченіемъ къ Богу претерпѣвая постигавшія ихъ мученія какъ бы въ чужихъ тѣлахъ, они переносили труды какъ бы съ забвеніемъ естества. Проходя поприще вѣры противъ многобожнаго заблужденія, ввергаясь въ огонь, какъ въ росу, не боясь челюстей и ярости страшнѣйшихъ звѣрей, острыхъ мечей и когтей, не взирая на усѣченіе и урѣ-